

Алексеева М.В.
МУЗЫКАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА
В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ[©]

*Детская школа искусств №4,
Россия, Мытищи, alekxm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается феномен современных медиапродуктов, неотъемлемыми атрибутами которых становится эмоциональность и художественная выразительность. Посредством семиотического анализа обозначаются границы образности музыкальной и вербальной семантики, а также доминирующие стратегии интеллекта и стороны познания при восприятии медиасообщений. По результатам исследования ставится ряд вопросов, которые могут способствовать аналитике и выдвижению предположений о возможных изменениях коммуникационных систем будущего.

Ключевые слова: медиатекст; эмоции; музыкальная семантика; творчество; эмпатия.

Поступила: 30.04.2022

Принята к печати: 18.07.2022

Alekseeva M.V.
Musical semantics in the communication process[®]

*Children's Art School No. 4,
Russia, Mytishchi, alekxm@mail.ru*

Abstract. The article deals with the phenomenon of modern media products, the inalienable attributes of which are emotionality and artistic expressiveness. Through semiotic analysis, the boundaries of the imagery of musical and verbal semantics, as well as the dominant strategies of the intellect and aspects of cognition in the perception of media messages, are indicated. Based on the results of the study, a number of questions are raised that can contribute to analytics and suggestion about possible changes in the communication systems of the future.

Keywords: media text; emotions; musical semantics; creativity; empathy.

Received: 30.04.2022

Accepted: 18.07.2022

Введение

Коммуникация в современном обществе претерпевает значительные изменения, будучи включена в контекст эпохи социальной толерантности, плюрализма идей и мнений, а также ментального диалога в условиях глобализма, на фоне меняющих формы бытования и растущих объемов информации. Одна из главных задач – быть услышанным и понятым – уже находит свое отражение в таком явлении, как современный медиатекст, определяемый как «новый коммуникационный продукт» [Засурский, 2005, с. 6]. Медиатекст сегодня может быть включен в разные медийные структуры вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов, а также в различные медийные обстоятельства: газеты и журналы, радио и телевидение, Интернет и мобильную связь и т.п., т.е. он детерминирован каналом коммуникации. Современный медиатекст «существует в нескольких ипостасях, в нескольких сферах, в нескольких средах: и в бумажном виде, и в звукающем, и в визуальном. Текст обрастает новыми возможностями... Такая многоплановость, многомерность текста приводит к созданию действитель-

но полифонического коммуникационного продукта» [Засурский, 2005, с. 3].

В условиях колоссального неравенства и персонального богатства личностных миров значимость приобретает поиск языка, способного обеспечить максимальный доступ к ним и интерактивный диалог с креативом мысли конкретного сознания. Использование специфического языка наряду с индивидуализацией форм общения различных сообществ уже в числе основных тенденций современного информационного пространства.

Руководствуясь поиском отклика от желаемой аудитории, автор коммуникационного продукта нередко приходит к необходимости использования образных средств выразительности, а процесс создания медиаобращения приобретает сходные черты с реализацией человека посредством художественного творчества. Здесь уместно напомнить утверждение П. Симонова: «Потребность, удовлетворению которой служит искусство, есть потребность познания» [Симонов, 1966, с. 72].

В нейробиологии справедливо выдвигается предположение о том, что в познании высокого уровня важную роль играют эмоции: «нет никакого бытия в правильном смысле слова без спонтанного ментального переживания жизни, ощущения существования» [Странный порядок вещей]. Статус «квалиа» [Ramachandran, Hirstein, 1997; Tye, 2000; Lowe, 2008] также вызывает много дискуссий в современном научном мире, включая как философию, так и естествознание в связи с обращением к проблеме природы сознания и работой над созданием искусственного интеллекта (ИИ).

В сравнении с другими коммуникационными системами образная выразительность музыки предельно индивидуализирована, что приводит к необходимости всестороннего осмысления ресурсов музыкальной семантики с целью более точного их использования в интерперсональном диалоге. Многообразные коды музыкального языка не соотносятся между собой в предсказуемой версии, вызывая эмоциональную реакцию и провоцируя человека на познание априори, поскольку однозначный результат здесь отсутствует.

Новизна данного исследования в том, что в нем предлагается рассмотрение спектра возможностей взаимосвязи вербальной и музыкальной семантики при создании медиатекста.

Актуальность исследования обусловлена тем, что сознательное использование в коммуникационном процессе различных образных средств выразительности, включая визуальную или музыкальную семантику, способно привести людей к полноценному развернутому обмену предельно персонифицированной информацией.

Проблема синтетических взаимосвязей вербальной и музыкальной семантики рассматривается в различных областях современного научного знания – от эстетики, искусствоведения и филологии до когнитивных наук. Медиалингвистика также пришла к необходимости изучения нюансов синтетического высказывания в рамках медиатекста. Тем не менее искомый результат оказался здесь не совсем доступен, и процесс осмысления специфики вербальных и музыкальных выразительных возможностей, а также их взаимосвязей в рамках синтетического высказывания не теряет своей актуальности.

Теоретические основания исследования

Впервые специфически подробное рассмотрение взаимосвязи вербальной и музыкальной семантики было предложено в рамках идеи синтеза искусств, осмысленной немецкими романтиками («*Gesamtkunstwerk*» [Вагнер, 1978, с. 171], театральная концепция [Ницше, 1990]). Следующий качественный этап в понимании синтетического взаимодействия искусств обеспечила художественная практика драматического театра XX в. В современной науке вопрос взаимосвязей «слова и музыки» [Степанова, 2002, с. 263] наиболее изучен в рамках музыковедения. Философско-эстетическую традицию характеризует широкий спектр взглядов на исследование самой проблемы синтеза искусств. Для эстетической теории особое значение в понимании нереализованных возможностей при создании артефактов синтеза имели работы Б. Галеева [Галеев, 1982, с. 56].

Во второй половине прошлого века в гуманитарной научной среде распространение получает такая категория, как «интермедиальность» [Ильин, 1988, с. 8], применяемая для анализа межлитературных связей, в том числе на предмет наличия музыкальных структур. Внимание когнитивных наук сосредоточено на специ-

фических исследованиях активности головного мозга посредством специального оборудования при актуализации креативных процессов, включая музыкальное исполнительство и восприятие. В конце XX в. в обиход лингвистической и педагогической науки входит термин «медиатекст», став сегодня базовой категорией, понимаемой расширительно как явление культурологическое. Особое значение имеет тот факт, что, например, в работе Т.Г. Добросклонской рассматривается взаимосвязь вербальных и медийных компонентов медиатекста [Добросклонская, 2014, с. 59–69]. Тем не менее, музыкальная выразительность в числе дискретных единиц медиапотока доступна для профессионального изучения только в междисциплинарном качестве на основе достижений философско-эстетической мысли, медиалингвистики и музыковедения.

Исследование: основная часть

Наряду с медиакультурой современную коммуникативную систему представляет и мифология, а точнее нередко ряд мифов в различных средах бытования, позволяющий «упаковать» реальность. Определяя миф как «машину культуры», М. Мамардашвили видел в нем «способ конструирования человека из природного, биологического материала» [Мамардашвили, 2000, с. 45–47]. Так миф представляет собой «прокрустово ложе» объемных моделей освоенного человеческого опыта. Этот опыт с различной степенью осознанности в той или иной мере имманентен современникам, поскольку воспринят в процессе освоения культурных достижений. По мнению автора этих строк, начинается миф там, где человек сталкивается с глобальной загадкой реальности, неподвластной его осмыслинию, внедряя при этом в свое сознание некий конвенциональный концепт толкования. Миф является своего рода посредником в коммуникационном процессе, задавая наряду с языком некие стандарты мышления и восприятия действительности.

Обращение к новому типу медиасообщений, обладающих качественно иным семантическим полем в результате обогащения знаковыми системами, означает и смену мифологической парадигмы, уходящей от унифицированной рациональности вербально-языка к познанию в диапазоне индивидуально-эмоциональной образности.

Согласно Р. Барту, «мифом может стать все, что покрывает-ся дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается... Наш мир бес-конечно суггестивен» [Барт, 1996, с. 233–234]. Итальянский ней-робиолог, открыв «зеркальные нейроны» [Риццолатти, 2012, с. 109–123] головного мозга, показал, что при выполнении действия возбуждаются те же нейроны, что и при наблюдении за выполнением этого действия другими. Однако степень внушения и эмпатии в рамках разных коммуникативных системах человечества различна, включая сами виды искусства.

Культурные эпохи модерна и постмодерна с их стремлением к новизне, а также с зафиксированными философией явлениями деконструкции и фоноцентрического дискурса уже анонсировали проблему поиска нового языка и, соответственно, декодирования текста.

Творцы XX в., и композиторы в частности, увидели возмож-ность обогащения художественных текстов за счет выхода за пре-дели распространенных систем кодирования. Отсутствие распо-знающей структуры при столкновении с подобным артефактом нередко приводит воспринимающее сознание к необходимости поиска ответов во всем диапазоне персональных знаний о ми-роздании, не фиксируясь на конкретных жанрах и виде искусства в целом. В этом процессе уже видна корреляция с самой квинтэ-ссией творческого процесса в предельной его форме, поскольку заставляет отдельно взятого индивида обращаться ко всему арсе-налу освоенных представлений в поиске декодирующей системы. Использование в рамках медиасообщений кодов неидентифи-руемых реципиентом также приводит к поиску ответов в макси-мально широком ассоциативном поле. Здесь уместно напомнить, что теория «когнитома» [Анохин, 2015] рассматривает мозг и разум как единую гиперсеть, где активная идея резонирует со всем подобным, апеллируя ко всему прежнему опыту человека. Совре-менная нейробиология отличает высокоразвитый мозг во многом по количеству синапсов – связей между нейронами, т.е. в некото-ром смысле по умению обнаружить подобие.

По оценке исследователей, в рамках массовой коммуника-ции «текст существует как “текст в тексте”», в перекличке с дру-гими текстами, даже если последние явно не цитируются. Тексты в

нашем сознании существуют, скорее, как гипертексты, включающие мириады ассоциативных связей, вязь перекрестных ссылок, «чувственную ткань сознания, сотканную соном образов и ароматом летучих настроений» [Петренко, 2002, с. 20].

Современное медиапространство является ареной коммуникации далеко не только профессиональных журналистов, трансформируясь в повседневное средство массовой и индивидуальной коммуникации большинства жителей развитых стран планеты.

Методология. Методологическую основу исследования составил значительный ряд авторитетных работ в таких сферах, как искусствоведение, филология, эстетика, а также медиалингвистика. Основным методом исследования стал семиотический анализ.

Семантические возможности музыки и присущие ей коммуникативные процессы рассматривались с опорой на авторитетные труды в области музыкования. Были использованы структурный и семиотический анализ языка художественной литературы. Сравнительный анализ семантики музыки и литературы проводился посредством гносеологического подхода на основе работ в сфере эстетики. Также необходимо особо отметить лингвофилософское исследование А. Лосева «Философия имени».

Процедура исследования. Предмет исследования – свойства образной выразительности медиасообщений, включающих синтез вербальной и музыкальной семантики.

Целью исследования является формулирование феноменальных свойств и пределов вербальной и музыкальной выразительности, рациональное осмысление ресурса их структурных взаимосвязей в рамках медиасообщений. В числе задач: абстрагированное рассмотрение компонентов, составляющих выразительность целого в языке как музыки, так и литературы, а также определение различных принципов их взаимодействия в пределах современного медиатекста.

В основе генезиса музыки как искусства лежат два типа звуковых проявлений действительности, коммуникативные возможности которых и определили специфику музыкальной выразительности: звуки природных процессов, воспринимаемые людьми с доисторического периода, в особенности нераспознанные «знаки присутствия» [Арановский, 1974 б, с. 255], и «звукокомплексы» [Асафьев, 1971, с. 23–24] раннего этапа человеческой коммуника-

ции. Уровень внемузыкального звукового воздействия в основном условно-рефлекторный, эмоционально-аффективный, что стимулирует продуктивные, особенно познавательные, и репродуктивные психические процессы.

Доминирующую коммуникационную функцию языка музыки составляют преимущественно звуковысотные отношения, при этом физическое проявление – его имманентное качество. Первичную систему кодирования, лежащую в основании музыкального языка, априори отличает полисемантичность, так как, к примеру, тембральные изменения не обуславливают собой смены ритма или направления звуковысотности. Вторичные коды определенного артефакта, связанные с ценностными приоритетами эпохи, ментальностью автора и т.п., только дополнительно усложняют финальную конструкцию, в результате ни она как целое, ни любой конкретный эпизод «не имеет денотата» [Арановский, 1974 а, с. 104]. В итоге образный ряд в сознании реципиента возникает в процессе восприятия музыки как «смыслозвуковое обобщение» [Медушевский, 1993, с. 151], а законы ее постижения выводятся «путем введения алогического момента из категорий самого смысла» [Лосев, 1990 а, с. 297]. То есть именно конкретно-чувственная сфера мышления распознает художественное содержание музыки.

Спектр чувств как сложных, устойчивых и обладающих определенной длительностью состояний человека имеет некую унификацию, зафиксированную вербально, тем не менее, воссоздавая прошлое, интеллект способен «формировать такие эмоции, которых никогда еще не ведал человек» [Раппопорт, 1978, с. 76]. Эти эмоциональные состояния в своей полноте отображаемы «вообще, как таковые», «их сущность» [Шопенгауэр, 1901, с. 270] только посредством музыки.

Слово в рамках естественного языка «есть необходимый результат мысли» [Лосев, 1990 б, с. 24], существующий в качестве конвенционального знака конкретного социума. Это атрибут информативной коммуникации, применяемый с целью обмена результатами познания уже сформированными и предпочтаемыми в отдельно взятом обществе. Порождающая семантика вербальной части медиаобращения даже при наличии художественных приемов неотделима от логической основы полностью и всегда сохраняет связь со смысловой сферой слова. Функциональное действие

интонационной выразительности обыденного слова подчинено лексической семантике, в то время как современный медиатекст, используя аудиовыразительность, ставит во многом художественные задачи. В условиях желаемой ответной эмоциональной реакции от аудитории назначение интонационной выразительности и ее возможности меняются качественно. Она «открывает подтекст» [Назайкинский, 1972, с. 301], психофизиологическое воздействие звучащей речи усиливается. «Ее акустические параметры входят в свои особые ассоциативные цепи, а они вливаются во все “смысловые” ассоциации» [Раппопорт, 1978, с. 199].

В результате образ, реализованный при помощи слова на основе своих домinantных семантических свойств транслирует в основном предметно-идейное содержание. Его развитие дает реципиенту возможность посредством эмпатии попадать в преобразляемый, в том числе силой собственного креатива, мир автора.

Результаты исследования

Особенности музыкального языка обеспечивают в процессе восприятия артефактов приоритет чувственной стороны познания и действие целостно-образной стратегии интеллекта (единовременное появление структуры). В свою очередь, в рамках вербального языка доминирует рациональная сторона познания и абстрактно-логическая интеллектуальная деятельность (последовательное движение посредством абстрактных понятий и суждений к искомому результату). Так, структурные особенности каждого из языков, регламентируя связь элементов, определяют его специфику и задают пределы выразительных возможностей.

Некое функциональное дополнение происходит при любых вариантах синтетических взаимосвязей рассматриваемых семиотических систем. При этом «смысл – звучание» [Булез, 2004, с. 189] или интеллектуальную и чувственную стороны познания характеризует «принципиальное единство с точки зрения антиномии: информация – энтропия» [Лотман, 1970, с. 77].

Выводы. Медиатекст, обладающий синтетической структурой, содержит иной уровень возможностей относительно генерации, трансляции, объема и мобильности субъектно-новой информации по сравнению с текстами «писательской» журналистики.

Однако в конкретных медиаобращениях различных жанров художественно-публицистического типа возникают разные принципы взаимодействия вербальной и музыкальной семантики, что может проецироваться на содержательный потенциал текстов. Например:

- использование в медиаобращении доминантных семантических различий музыки и слова. Здесь задача музыкального изложения – привлечение и сохранение внимания целевой аудитории. Вербальная информация при этом может быть мало сакральна в связи с отсутствием художественного содержания и доступностью в других источниках. *Наиболее яркая иллюстрация – трансляция прогноза погоды на канале «Культура»;*
- использование отличий доминантных механизмов верbalного и музыкального восприятия. Интенсивность эмоционального воздействия музыки предшествует «результату мысли», зафиксированному в слове. *Очевидное практическое распространение получило наличие музыкальной заставки в начале медиаобращения;*
- многообразие структурных взаимодействий в связи с отличием процессуальных свойств музыкальной и словесной семантики. «Музыка ... не обладает мобильностью поэтического времени» [Степанова, 1999, с. 24]. Здесь синтетическая структура медиаобращения может обогащаться как по вертикали (параллельное действие), так и горизонтально (во времени). *Например, музыкальное изложение, данное в медиаобращении параллельно, отражает общий характер некоего чувства, при этом герои вербально выражают каждый свое видение ситуации;*
- наименее реализованный, но самый продуктивный тип синтеза возможен в условиях сочетания семиотических систем на стадии замысла медиаобращения. *Распространенный пример – презентации с использованием визуального и музыкального контента.*

Анализ результатов

Подобный сравнительный анализ вербальной и музыкальной семантики уже сегодня позволяет поставить ряд значимых для процесса коммуникации вопросов. К примеру:

- ✓ насколько возможно при кодировании информации воплощение конкретных эмоций, искренних переживаний, способных закрепляться и передаваться с полученным текстом?
- ✓ каково влияние на текст наличия сильных переживаний при кодировании информации¹?
- ✓ в какой степени творческий акт инициирован индивидуально-разнообразным великолепием эмоций?
- ✓ каково влияние сознания и эмоциональных переживаний на стройность творческого мыслительного процесса, а далее некого текстового воплощения?
- ✓ какова роль индивидуально-образной составляющей при кодировании и передаче идей? Значим ли тот факт, что она может кардинально отличаться от образного ряда принимающей стороны?
- ✓ как связаны «зеркальные нейроны» с языком, в том числе музыкальным, а также коммуникацией в целом?
- ✓ каковы возможности сознания и бессознательных операций мозга, а также их взаимосвязи с кодированием информации, если согласно исследованиям «сознание изредка включается»?
- ✓ что такое «Вселенная ассоциаций», стимулирующая выход из осмыслиения заданных единиц, реализуя возможность прозрений?
- ✓ как происходит процесс кодирования субъектно-новой информации, если учитывать многочисленные свидетельства гениев об изначальной невыразимости понятых, а позже зафиксированных как-либо открытий?

Заключение

Следующим шагом на пути к интерактивному диалогу уже сегодня становится поиск новых средств и систем коммуникации, обеспечивающих качественно иные возможности как в работе с объемами информации, так и в сфере познания, включая проникновение в субъективный мир конкретной личности. В перспективе

¹ Здесь хотелось напомнить высказывание Анны Ахматовой о том, что тайна поэзии в окрыленности и глубине, а не в том, чтобы читатель не понимал действия.

возможен поиск языка, отличающего другую гносеологическую информацию, предназначенного для интерактивной коммуникации, включая обмен максимально персонифицированной информацией, основанного в том числе и на музыкальной семантике. Возможно, это будет язык, способный повлиять на вектор познания окружающего мира в целом не меньше, чем научный способ познания.

Список литературы

- Анохин К.* Когнитом – гиперсетевая модель мозга // Denis Timofeev. – 2015. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=_tz3lx-pcE4 (дата обращения: 11.09.2019).
- Арановский М.Г.* Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления : сб. ст. / под ред. М. Арановского. – Москва : Музыка, 1974а. – С. 90–129.
- Арановский М.Г.* О психологических предпосылках предметно-пространственных слуховых представлений // Проблемы музыкального мышления : сб. ст. / под ред. М. Арановского. – Москва : Музыка, 1974б. – С. 252–271.
- Асафьев Б.В.* Музыкальная форма как процесс : кн. 1 и 2 / ред., вступ. ст. и комм. Е.М. Орловой. – Ленинград : Музыка, 1971. – 376 с.
- Барт Р.* Ми фологии. – Москва : Изд-во Сабашниковых, 1996. – 312 с.
- Булез П.* Поэзия – центр и отсутствие – музыка // Булез П. Ориентиры I. Избранные статьи / пер. Б. Скуратова. – Москва : Логос-Альтера : Ecce Homo, 2004. – С. 173–195.
- Вагнер Р.* Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и comment. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова ; вступ. ст. А.Ф. Лосева ; пер. с нем. – Москва : Искусство, 1978. – С. 142–261.
- Галеев Б.М.* Содружество чувств и синтез искусств. – Москва : Знание, 1982. – 63 с.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 264 с.
- Засурский Я.Н.* Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 3–7.
- Ильин И.П.* Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. – Москва : Гос. б-ка СССР, 1988. – 28 с. – (Общие проблемы искусства : обзор. информ. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Информкультура ; вып. 2).
- Лосев А.Ф.* Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – Москва : Правда, 1990 а. – С. 195–394.
- Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – Москва : Правда, 1990 б. – С. 11–192.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.

- Мамардашвили М.К.* Введение в философию. Мой опыт нетипичен. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 832 с.
- Медушеевский В.В.* Интонационная форма музыки: исследование. – Москва : Композитор, 1993. – 262 с.
- Назайкинский Е.* Интонация в речи и в музыке. О психологии музыкального восприятия. – Москва : Музыка, 1972. – 384 с.
- Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / под ред. К.А. Свасьяна ; пер. с нем. Г.А. Рачинского [и др.]. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1 : Литературные памятники. – С. 57–157.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии. – Москва : РИП-Холдинг, 2002. – С. 19–30.
- Pannoporn C.X.* От художника к зрителю: как построено и как функционирует произведение искусства. – Москва : Сов. художник, 1978. – 237 с.
- Риццолатти Дж., Сингалая К.* Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопреживания / пер. с англ. О.А. Кураковой, М.В. Фаликман. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 208 с.
- Симонов П.В.* Что такое эмоция? – Москва : Наука, 1966. – 94 с.
- Степанова И.В.* Слово и музыка. Диалектика семантических связей. – 2-е изд. – Москва : Книга и бизнес, 2002. – 288 с.
- Степанова И.В.* Слово и музыка. Диалектика семантических связей : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – Москва, 1999. – 39 с.
- «Странный порядок вещей» : нейробиолог Антонио Дамасио о том, как и почему мы чувствуем то, что чувствуем // Cameralabs. – URL: <https://cameralabs.org/11947-strannyj-poryadok-veshchej-nejrobiolog-antonio-damasio-o-tom-kak-i-pochemu-my-chuvstvuem-to-ctho-chuvstvuem> (дата обращения: 06.10.2019).
- Шопенгаузер А.* Полн. собр. соч. / в пер. и под ред. Ю.И. Айхенвальда. – Москва : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1901. – Т. 2 : Мир как воля и представление. – 673 с.
- Lowe E.J.* Illusions and hallucinations as evidence for sense data // The case for qualia / ed. by E. Wright. – Cambridge, MA : MIT Press, 2008. – P. 59–72.
- Ramachandran V.S., Hirstein W.* Three laws of qualia: what neurology tells us about the biological functions of consciousness // Journal of Consciousness Studies. – 1997. – Vol. 4 (5–6). – P. 429–457.
- Tye M.* Consciousness, Color and Content. – Cambridge, MA : MIT Press. 2000. – 214 p.

References

- Anohin, K. (2015). *Kognitom – gipersetevaya model' mozga* [Cognitome – hypernetwork brain model]. Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=_tz3lx-pcE4
- Aranovskiy, M.G. (1974 a). Myshleniye, yazyk, semantika [Thinking, language, semantics]. In: *Problemy muzykal'nogo myshleniya* [Problems of musical thinking] (pp. 90–129). Moscow: Muzyka.

- Aranovskiy, M.G. (1974 b). O psixologicheskix predposy'lkax predmetno-prostranstvenny'x sluxovy'x predstavlenij [On the psychological prerequisites of subject-spatial auditory representations]. In: *Problemy muzykal'nogo myshleniya* [Problems of musical thinking] (pp. 252–271). Moscow: Muzy'ka.
- Asafev, B.V. (1971). *Muz'ykal'naya forma kak process: knigi pervaya i vtoraya* [Musical form as a process: books one and two]. Leningrad: Muzy'ka.
- Bart, R. (1996). *Mifologii* [Mythology]. Moscow: Sabashnikovyh.
- Bulez, P. (2004). *Poeziya – centr i otsutstvie – muzyka* [Poetry is the center and absence is music]. In: *Orientiry I. Izbrannye stat'i* [Landmarks I. Imagine. Featured Articles] / per. B. Skuratova (pp. 173–195). Moscow: Logos-Al'tera: Eccehomo.
- Vagner, R. (1978). Proizvedenie iskusstva budushhego [A work of art of the future]. In: *Izbranny'e raboty* [Selected works] (pp. 142–261). Moscow: Iskusstvo.
- Galeev, B.M. (1982). Sodruzhestvo chuvstv i sintez iskusstv [Commonwealth of feelings and synthesis of arts]. In: *Seriya E'stetika* [Aesthetics Series]. Moscow: Znanie, vol. 12.
- Dobrosklonskaya, T.G. (2014). *Medialingvistika: sistemnyj podxod k izucheniyu yazy'ka SMI (sovremennaya anglijskaya mediarech')* [Media linguistics: a systematic approach to learning the media language (modern English media language)]. Moscow: FLINTA.
- Zasurskij, Ja.N. (2005). Kolonka redaktora: mediatekst v kontekste konvergencii [Editor Column: Media Text in the Context of Convergence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism], 2, 3–7.
- Il'in, I.P. (1988). Nekotorye koncepции iskusstva postmodernizma v sovremenneyx zarubezhnyx issledovaniyx [Some concepts of the art of postmodernism in modern foreign studies]. In: *Obshchie problemy iskusstva* [General problems of art]. Moscow, vol. 2.
- Losev, A.F. (1990 a). Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic]. In: *Iz rannih proizvedenij* [From early works] (pp. 195–394). Moscow: Pravda.
- Losev, A.F. (1990 b). Filosofija imeni [The Philosophy of Name] In: *Iz rannih proizvedenij* [From early works] (pp. 11–192). Moscow: Pravda.
- Lotman, Ju.M. (1970). *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Moscow: Iskusstvo.
- Mamardashvili, M.K. (2000). *Vvedenie v filosofiju. Moj opyt netipichen* [Introduction to Philosophy. My experience is not typical]. Saint-Petersburg: Azbuka.
- Medushevskij, V.V. (1993). *Intonacionnaja forma muzyki: Issledovanie* [Intonational form of music: Research]. Moscow: Kompozitor.
- Nazajkinskij, E. (1972). *Intonaciya v rechi i v muzy'ke: O psixologii muzykal'nogo vospriyatiya* [Intonation in speech and in music: On the psychology of musical perception]. Moscow: Muzy'ka.
- Nicshe, F. (1990). *Rozhdenie tragedii iz duha muzyki* [The birth of tragedy from the spirit of music]. In: Nicshe F. Sochineniya: v 2 t. [Works in 2 volumes] / pod red. K.A. Svas'yana; per. s nem. G.A. Rachinskogo [i dr.]. T. 1: *Literaturnye pamyatniki* [Literary monuments] (pp. 57–157). Moscow: Mysl'.

- Petrenko, V.F. (2002). Psihosemantika mental'nosti: kommunikativnyj aspekt [Psychosemantics of mentality: the communicative aspect]. In: *Problemy mediapsihologii* [Problems of Media Psychology] (pp. 19–30). Moscow: RIP-Holding.
- Rappoport, S.H. (1978). *Ot hudozhnika k zritelju: Kak postroeno i kak funkcioniruet proizvedenie ikusstva* [From artist to viewer: how a work of art is constructed and how it functions]. Moscow: Sov. hudozhnik.
- Riccolatti, Dzh., Sinigal'ya, K. (2012). *Zerkala v mozge: o mekhanizmakh sovmestnogo dejstviya i soperezhivaniya* [Mirrors in the brain – how our minds share actions and emotions] / per. s angl. O.A. Kurakovoj, M.V. Falikman. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Simonov, P.V. (1966). *Chto takoe jemocija?* [What is emotion?] Moscow: Nauka.
- Stepanova, I.V. (2002). *Slovo i muzy'ka. Dialektika semanticheskix syvazej* [Word and music. Dialectics of semantic connections. 2 nd edition]. Moscow: Kniga i biznes.
- Stepanova, I.V. (1999). *Slovo i muzyka. Dialektika semanticheskikh syvazej* [Word and music. Dialectics of semantic connections]. (Unpublished doctoral dissertation). Moscow.
- Strannyj poryadok veshchej: nejrobiolog Antonio Damasio o tom, kak i pochemu my chuvstvuem to, chto chuvstvuem. In: *Cameralabs*. Retrieved from <https://cameralabs.org/11947-strannyj-poryadok-veshchej-nejrobiolog-antonio-damasio-o-tom-kak-i-pochemu-my-chuvstvuem-to-ctho-chuvstvuem>
- Shopengaujer, A. (1910; Vol. 2: 1901). Mir kak volja i predstavlenie [The world as will and representation]. In: *Poln. sobr. Soch.* [Complete works]. Moscow: Izd. D.P. Efimova: tip. Vil'de.
- Lowe, E.J. (2008). Illusions and hallucinations as evidence for sense-data. In: Wright, E. (ed.) *The Case for Qualia*. (pp. 59–72). Cambridge MA: MIT Press.
- Ramachandran, V.S., Hirstein, W. (1997). Three laws of qualia: what neurology tells us about the biological functions of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 4 (5–6), 429–457.
- Tye, M. (2000). *Consciousness, Color and Content*. Cambridge, MA: MIT Press.